

4 20 ЯНВ 39

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

О сценическом воплощении образа Ленина говорить еще очень рано. Гениальность, мощь и величие этого образа настолько исключительны, что ни писатель, ни актер не найдут никаких, хотя бы самых отдаленных, хотя бы очень условных примеров в мировой драме. Это так понятно, что, кажется, не требует сколько-нибудь распространенных объяснений. Стоит только припомнить даже самый яркий образ из великоленной галереи мирового театра и поставить его рядом с Лениным, как сама собою параллель эта окажется и неуместной, и безграмотной, и, следовательно, пишменной.

Но театр остается театром. Вы можете писать, скажем мягко, не так хорошо, как это делал Шекспир, и театр это вам простит, но он не простит вам забвения законов, которые дал Шекспир. Театр требует сценического материала, т. е. образов и действий, присущих природе сцены. Поэтому писатель, который взялся за сценическое воплощение образа Ленина, не может отделиться от опыта мировой драмы.

Трудности нашей драматургии как раз здесь и начинаются. Как совместить этот великолепный классический опыт с явлениями, образами и действиями, природа которых совершенно нова?

«Правда» А. Корнейчука, «На берегу Невы» К. Тренева и «Человек с ружьем», где впервые на сцене появляется Ленин, — это первые, ученические работы, это робкие попытки дать эскизы образа, который трудно себе представить во всей полноте.

Сначала, когда возникло предложение написать для театра пьесу, в которой бы в числе действующих лиц значилось имя Ленин, я не мог заставить себя поверить в осуществимость такого предложения. Помимо понятного человеческого волнения, которое трудно, почти невозможно преодолеть, надо представить себе простую психологию работы драматического писателя. Так или иначе вы должны руководить образом, давать ему определенные действия... Но как руководить образом Ленина?

Я нашел выход в том, что взял различные воспоминания о Ленине. Мне это показалось очень удачным: ведь я, как автор, в данном случае как бы отхожу на вто-

рой план, ни в коем случае не позволяю себе никаких вольностей, беру лишь то, что рассказано другими. Было перечитано много книг и выписано много фактов. Потом я однажды заметил, что мемуары, которые я так упрямо читаю, не все столь уж достоверны, как я о них думал. Прежде всего они субъективны. В них больше мнений и впечатлений, чем фактов. Многие факты тоже рассказаны по-разному. Таким образом, надежда спрятаться за чужие, однажды рассказанные факты оказалась тщетной.

После груды книг я перечитал известную брошюру товарища Сталина «О Ленине» — речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года. Эта брошюра — поистине удивительный документ. В коротких, совершенно простых характеристиках была дана вся философия ленинского образа.

Писатель, как и актер, играющий на сцене, будет в смятении и тревоге, будет связан и напряжен до той минуты, пока он не найдет ключа к образу. Этот ключ был найден. Затем я обратился к самому Ленину.

Возьмите ленинский язык. Где же учиться ленинскому языку, как не у самого Ленина? А его пометки на полях книг, его тетради! Во время империалистской войны Ленин, как известно, работал над трудами Клаузевица. И вот в определенном месте книги Клаузевица «О войне» Ленин делает потрясающее замечание: «На чужой земле защищать свою землю».

Для драматического писателя, если он вдумчив и наблюдателен, такой факт из ленинских первоисточников в тысячу раз важнее, чем многие факты, рассказанные современниками.

Сейчас в Московском Художественном театре им. Горького поставлена задача дать наиболее широкое и полное сценическое воплощение образа Ленина. Нужно ли говорить, с каким волнением и какой радостью я принимаюсь за эту необыкновенную работу? Быть может, наши общие ученические опыты не пропадут даром.

Н. ПОГОДИН.